

Бригадина О. В. Повседневная история императорской России: утверждение новых принципов и подходов в исследованиях. О. В. Бригадина. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск: БГУ, 2009. — С. 266-274

О. В. Бригадина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ: УТВЕРЖДЕНИЕ НОВЫХ ПРИНЦИПОВ И ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ*

В настоящее время диапазон мнений о состоянии исторической науки довольно широк: от умеренной констатации естественных проблем «переходного периода» до радикального утверждения о наличии кризиса и хаоса в гуманитарной сфере знаний. В научной среде заговорили об изменении самого «образа исторической науки» [1, с. 5], а средства массовой информации активно создают популярную историю, рассчитанную на непритязательные вкусы аудитории. Книжный рынок заполнили сочинения псевдоисториков, посвященные пикантным подробностям и интригам из жизни «культовых» фигур. Так, ведущий популярного телепроекта «Культурная революция» Михаил Швыдкой в одном из выпусков предложил обсудить проблему состоятельности исторических знаний, их востребованности в реальной жизни. Утверждают свое понимание истории и исторической правды, моделируют альтернативные варианты развития событий современные российские писатели Э. Тополь, Б. Кенжеев, В. Залотуха, А. Гладилин, В. Маканин. В аннотации к повести «Роммат» писатель В. Пьецух, историк по образованию, предложил свою интерпретацию истории: «это — когда художник как бы ставит себя над фактом, предлагая свою концепцию, свое осмысление истины» [2, с. 2]. На наших глазах рождается популярная в массах история, где вместо факта и документа на первое место выходит миф. По убеждению Б. А. Ланина, «мифологизация стала главным методом если не исторического исследования, то по крайней мере исторического повествования, а сама история превратилась в предмет постмодернистской игры., и если не существует правды, осмысленной и зафиксированной историками, то тогда следует доверять своим чувствам, интуиции, эмоциям» [3, с. 180].

Безусловно, история не математика, где существует только один правильный ответ. Она многовариантна, сложна и противоречива, как сама жизнь. Важность и необходимость ее изучения отмечали многие выдающиеся мыслители прошлого. Предельно просто сформулирован ответ на вопрос, для чего нужна история, в работе «Идея истории» английским историком и философом Р. Дж. Коллингвудом: для человеческого самопознания.

В условиях трансформации методологических, идеологических и источниковедческих ориентиров приходит понимание и признание необходимости альтернативных концепций, изменения корпуса исторических источников и осмысления новых проблем. Для создания целостной картины российской истории необходимо активное сотрудничество историков с представителями других общественных и гуманитарных наук. Потребность в таком сотрудничестве особенно возрастает на фоне глобализации и явной непредсказуемости современных социально-экономических процессов. В конце 1990-х гг. в Институте российской истории РАН начал работу семинар «Российский исторический процесс: теоретико-методологические проблемы» под руководством доктора исторических наук А. С. Сеньявского, цель которого — координация усилий историков и представителей смежных наук. Одной из форм

Бригадина Ольга Васильевна — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

работы семинара стали тематические «круглые столы», призванные произвести, говоря словами организаторов, «инвентаризацию хозяйства» и оценить каждый теоретико-методологический инструмент на предмет его пригодности и полезности для исторической науки» [4, с. 5].

Необходимость комплексного, интегрального подхода к объекту исторического познания неоднократно отстаивал академик РАН И. Д. Ковальченко. В докладе «О состоянии и перспективах фундаментальных исследований в области исторических наук» на заседании Президиума РАН в 1992 г., в «Заметках и размышлениях о новых подходах», в своей фундаментальной работе «Методы исторического исследования» ученый неоднократно подчеркивал необходимость синтеза теорий, подходов и методов и новых конкретно-научных концепций. Он исключал возможность создания абсолютных и универсальных теорий и методов исторического познания. Любая научная теория, по мнению историка, содержит в себе рациональное зерно, любой метод научного познания («для чего-нибудь да хорош»), а любой конкретно-исторической концепции изначально присущи определенные ошибки и просчеты. В качестве одной из приоритетных Иван Дмитриевич считал проблему соотношения человеческой деятельности с объективной исторической реальностью: «Важнейшей задачей историков является конкретный показ не только того, как воздействовали на ход исторического развития те или иные объективные общественные закономерности и факторы, но и того, как деятельность и отношение людей создали их» [5, с. 134-136].

Основной приметой современной историографической ситуации становится расширение проблемного поля исследований. Попытки преодоления одного из наиболее заметных изъянов советской историографии — «обезличенности» исторического процесса, в котором простые люди живут: рождаются, плачут и веселятся, дружат, любят, женятся, воспитывают детей, болеют и умирают», характерны для таких многообещающих направлений современной историографии, как социальная история и родственные с нею гендерные исследования, биографическая история, история семьи и детства, микроистория, история эмоций, повседневная история [6, с. 13]. В исследованиях Н. Л. Пушкаревой, С. В. Журавлева, А. К. Соколова, Л. П. Репиной и др. [7] предприняты попытки интерпретации известных фактов и документов на основе междисциплинарного синтеза. Для распространения нового опыта и апробации современных методик с 1998 г. благодаря усилиям сотрудников ведущих научных центров России — Института всеобщей истории и Института российской истории РАН, Центра социальной истории и Центра экономической истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова — издательство РОССПЭН начало публикации ежегодника «Социальная история». Плодотворность изучения истории обычных людей продемонстрировали участники ряда научных конференций и авторы статей в научных сборниках [8]. По мнению одного из составителей сборника «История повседневности» М. М. Крома, это «не просто дань моде, а возможность взглянуть на привычные сюжеты и проблемы под новым углом зрения» [9, с. 7]. В статьях А. Б. Богданова, Д. А. Журавлева, П. Г. Рогозного, Т. Ю. Ворониной исследованы поведение, эмоции, поступки людей в различных жизненных ситуациях. Основное внимание авторы уделили фактам, подробностям, внештатным ситуациям и «мелким деталям», которые в традиционной истории принято считать несущественными. Вместе с тем еще в 1960—1970-е гг. многие исследователи Западной Европы пришли к пониманию, что такие общие категории, как экономика, политика, идеология, законодательство в реальности проявлялись в конкретном поведении людей. Этот вывод получил теоретическое осмысление в работах П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности», Н. Элиаса — «О понятии повседневности», Б. Вандельфельса — «Повседневность как плавильный тигель рациональности» [9, с. 8—12].

Особого внимания заслуживают выводы одного из основоположников немецкой школы историков повседневности доктора Института истории в Геттингене А. Людтке. Признавая

несовершенство и условность самого термина «повседневность», ученый акцентирует внимание на основных направлениях повседневной истории, выделяет центральные проблемы исследования, демонстрирует результаты проделанной работы по исследованию повседневной истории нацистской Германии [10, с. 77—81]. Три сферы изучения повседневности выделяет немецкий исследователь Г. Ю. Пандель: первое включает антропологические факты, относящиеся к человеку в силу того, что он — человек: рождение, сексуальность, болезни, смерть, детство, старость. Ко второй сфере отнесены стратегии, необходимые для существования: питание, одежда, жилье, работа, досуг. К третьей — способы выживания в экстремальных ситуациях [11, с. 78].

Последнее десятилетие продемонстрировало растущий интерес российских историков к повседневной истории. Формируются основные направления научного поиска, под новым углом зрения анализируются хорошо известные источники, вводятся в научный оборот новые документы. По мнению М. М. Крома, в России история повседневности переживает сейчас настоящий бум. В качестве примера можно привести выходящую в издательстве «Молодая гвардия» серию «Живая история. Повседневная жизнь человечества». Наряду с переводными работами в этой серии изданы книги А. И. Бегуновой, Е. В. Романенко, Е. В. Лаврентьевой, С. Д. Охлябиной, Н. А. Никитиной и других российских авторов. Многие исследования основаны на мемуарной литературе и архивных источниках, в них детально описаны быт и нравы героев повествования. И здесь нельзя не согласиться с выводом М. М. Крома, что главным для исследователя должно быть постижение повседневных забот, тревог, надежд людей изучаемой эпохи: «Нужно попытаться увидеть их мир "изнутри", объяснить мотивы бытового поведения людей, исходя из свойственного им понимания окружающего их мира» [9, с. 8—9]. Нельзя изучать, например, повседневную жизнь офицерского корпуса первой четверти XIX в. в отрыве от жизни страны и общества той эпохи (речь идет, в частности, о книге А. И. Бегуновой «Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I». М., 2000). Еще недостаточный опыт исследования в жанре повседневности не позволил некоторым авторам преодолеть планку историко-бытового описания изучаемой проблемы.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на фундаментальное исследование по социальной истории России императорского периода (XVIII — нач. XX в.) Б. Н. Миронова [12]. Многовекторность проблемы и оригинальные выводы автора стали предметом обсуждения на организованной журналом «Отечественная история» в 2000 г. дискуссии «Российский старый порядок: опыт исторического синтеза». Б. Н. Миронов представил историю России как совокупность факторов и явлений, объединенных понятием «человек в окружающей среде», а историю повседневности — как неотъемлемую часть новой социальной истории. Конкретной информацией, убедительной документальной основой, сравнительным анализом отличаются также статьи, опубликованные этим историком за последние годы [13].

Интерес к истории российской повседневности нашел свое отражение в научно-справочных проектах, энциклопедических изданиях, комментируемых биографических словарях. Еще в 1959 г. филолог и журналист Ю. А. Федосюк в своем письме в редакцию журнала «Вопросы литературы» выразил обеспокоенность тем, что «сотни выражений, встречающихся в сочинениях русских классиков и отражающих общественные отношения и бытовые особенности дореволюционной России, становятся для все более широкого круга современных писателей «камнем преткновения» — либо не понятными вовсе, либо понимаемыми превратно, многие понятия сданы в архив нашей эпохой» [14, с. 3]. Его

призыв к историкам и филологам начать работу над специальным справочником русского быта в те годы был проигнорирован. Только в 1989 г. уникальное издание вышло в свет. Книга разделена на тематические главы, которые позволяют получить сведения об обыденной жизни людей в контексте исторической реальности.

Информационно-справочная составляющая историографии повседневности значительно расширилась благодаря исследованиям профессора РГГУ Л. В. Беловинского [15]. В предисловии к «Иллюстрированному энциклопедическому историко-бытовому словарю русского народа. XVIII — начало XX в.» автор так сформулировал цель своей работы: «В той России все было иначе, ибо это была иная страна, с другим народом, с другими "можно" и "нельзя", "плохо" и "хорошо", даже с другим языком. Воскресить ее невозможно, но помнить о ней мы должны, хотя бы для того, чтобы понять, что мы такое» [15, с. 4].

Выход на принципиально новый научный уровень в изучении повседневной истории России, который давно востребован исследователями и читателями, связан с активизацией работы по подготовке и публикации документальных сборников, мемуарной литературы, переизданием ранее опубликованных работ с подробными научными комментариями и справочным аппаратом [16].

Сегодня можно говорить о формировании отдельных направлений в изучении повседневной истории России. Причем приоритетной и наиболее исследованной стала российская повседневность периода империи (XVIII — начало XX в.). В рамках этой проблемы можно выделить такие темы, как история жизни и деятельности отдельных социальных сословий и групп, жилищно-бытовые условия населения, город и деревня в ракурсе повседневной истории, взаимоотношения в семье, образ жизни, гигиена и здоровье, досуг и развлечения, культура застолья и кулинария, одежда и основные тенденции моды. Следует заметить, что одни авторы стремятся к более масштабному освещению проблемы, пытаются изучить все стороны бытовой и производственной повседневности, другие предпочитают «доходить до мелочей», детально и скрупулезно исследовать отдельные стороны и проявления жизни рядового человека.

Самое пристальное внимание обращено к российскому дворянству. Многие историки продолжают традиции известного ученого, основоположника российской семиотики Ю. М. Лотмана [17]. Изучение бытовых подробностей, деталей одежды, особенностей поведения позволяют исследователям расшифровать скрытый смысл («культурный код») и тем самым понять общественную позицию конкретного человека. Такую попытку изучения поведения молодых представителей дворянской элиты предприняла О. Б. Вайнштейн в своей работе «Денди: мода, литература, стиль жизни». В книге подробно рассказывается о формировании в Западной Европе, а позднее — и в России новой культурной традиции, предполагающей экстравагантность как стиль жизни и манеру поведения. «Роскошная придворная мода европейского типа, по мнению автора монографии, привела к распространению шегольства среди русских дворян как особой культуры самовыражения через одежду» [18, с. 487]. Повседневной жизни дворянского сословия, его роли в развитии русской культуры, отношениям в обществе и в семье, анализу нравственных ценностей и феномену дворянской чести посвятили свои исследования Б. Н. Миронов, О. С. Муравьева, Н. И. Яковкина, М. В. Нащокина, Л. А. Жукова [19]. О регламентации жизни дворянства и формировании устойчивых форм их поведения в обществе и быту, о специфике светского этикета и культуре застолья рассказывает в популярной форме Е. В. Лаврентьева [20], о феномене дворянской усадьбы (Абрамцево, Архангельское, Талашкино, Званка и др.), в которой, по мнению автора, «отражается весь мир русской истории» — С. Д. Охлябинин [21, с. 6]. Внутрисословную дифференциацию дворянства и связанные с этим проблемы материального достатка

мелкопоместных дворян изучает И. Андреев, а преступления и иные аномальные явления в дворянской среде — Л. Манькова [22].

Изучением повседневной жизни российского крестьянства, специфики в общении и норм поведения в семье, традиций и новаций в крестьянском быту, будней и праздников крестьян, мотиваций их поведения в разных жизненных ситуациях занимаются М. К. Громыко, Н. Потапова, Б. Н. Миронов, Н. И. Шангина [23]. В крестьянском мире, утверждает

Н. И. Шангина, незыблемой оставалась прежде всего система нравственных ценностей, основанная на многовековом народном опыте и православной вере. Представления о назначении человека на земле, о правильном или неправильном жизненном пути передавались из поколения в поколение, в соответствии с ним воспитывали детей [23, с. 7]. Перу этого автора принадлежат и справочно-энциклопедические издания, посвященные русскому традиционному быту [24].

Довольно обширна историография повседневной жизни российских горожан. Дифференциация городских обывателей по виду занятости, налогообложения, роли в общественной жизни позволила исследователям более детально изучить обыденную жизнь основных категорий городского населения. Жизнь рабочих стала объектом внимания В. Белова, В. Г. Герасимова, Б. Иллеша, А. П. Филимонова [25], купеческого сословия — Г. Т. Полилова, Е. Мурашкиной, Ю. Гончарова [26]. О мещанстве — «забытом сословии русских городов» — речь идет в исследовании Л. В. Кошман «Город и городская жизнь России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты». Автор на широком круге источников анализирует условия жизни и домашний уклад второго по численности после крестьян сословия, обращает внимание на состояние городской инфраструктуры, культурно-информационной среды (почта, телефон, телеграф), на роль профессионального образования в формировании «среднего культурного слоя». В таблицах помещена конкретная информация об экономических и финансовых ресурсах ряда губернских городов, размерах «потребительской корзины» горожан, жилищно-бытовых условиях, уровне медицинского и санитарно-гигиенического обслуживания [27]. Образу жизни, условиям быта и труда городской семьи Сибири посвящена монография Ю. М. Гончарова [28].

В меньшей степени изучена повседневная жизнь других категорий населения: офицеров [29], студенчества [30], духовного сословия [31]. Постепенно формируется новый облик «культовых» личностей империи. Многие исследователи пытаются найти «человеческое», а потому — понятное, в характерах и поступках людей власти, кумиров общества. Подобные исследования сопряжены с определенным риском, так как авторам не всегда удается оставаться беспристрастными аналитиками. В результате читателям предлагается масса публикаций, весьма далеких от истины. Тем не менее в печати появились работы, авторы которых вполне успешно справились с поставленной задачей. Речь идет, например, об исследовании Ю. Овсянникова, посвященном взаимоотношениям Петра I и наследника престола царевича Алексея. Решая судьбу сына, царю предстояло сделать нелегкий выбор: или будущее государства, или сын. Петр I выбрал Россию [32, с. 196]. Женщинам эпохи петровских преобразований посвящена монография В. О. Михневич. Автор, анализируя повседневную жизнь императрицы Екатерины I и ее свиты, приходит к выводу, что «под оболочкой цивилизации все оставалось верным своим корням, сохраняя в понятиях и нравах отпечаток вековой загрубелости...» [33, с. 11]. О причинах духовного кризиса Л. Н. Толстого размышляет Н. А. Никитина. Исторические же портреты династии Романовых стали темой сборника статей под общей редакцией А. Н. Сахарова [34].

Все больший интерес у исследователей вызывает трудовая (служебная, производственная) повседневность. Значительную часть своей жизни люди проводят на

работе. Взгляд «изнутри» на отношения в коллективе, на механизмы карьерного роста, стремление понять причины добросовестного отношения к делу или, наоборот, злоупотреблений по службе, характерны для исследований Б. Н. Миронова, публикаций Д. Раскина, И. Андреева, С. Горяинова. Как отмечает Б. Н. Миронов, в последнее время среди историков наметилась тенденция отрешиться от старых стереотипов и посмотреть непредубежденным взглядом на российскую бюрократию. Они обнаружили, что среди губернаторов, прокуроров и других высших и средних чиновников было значительное количество честных и компетентных людей [12, с. 174]. Однако этот вывод омрачают исследования других авторов, выявивших неистребимую для российской

бюрократии жажду к взяточничеству, казнокрадству и злоупотреблению властью [35]. Новый взгляд на царскую номенклатуру предложил Л. Е. Шепелев. Историю возникновения и развития в России системы сословных и должностных чинов и званий он рассматривает через изучение и описание многочисленных знаков отличия, положенных должностным лицам по регламенту [36].

Привлекательным для многих историков исследовательским направлением стало изучение светских балов, публичных развлечений и народных забав в России. История досуга превратилась в одно из наиболее перспективных направлений в историографии повседневности. Традиция не работать в воскресные и праздничные дни формировалась в течение многих веков, освящалась церковью и разрешалась законами, начиная с Уложения 1649 г. Накоплен большой информационный материал, который стал предметом анализа Т. Агапкиной, О. Захаровой, Ю. Иванова, М. Осьмакова. В исследовании А. В. Колесниковой светский бал в России был выведен на уровень научного обобщения и представлен как образ жизни, так как он сочетал в себе множество функций: светская служба и салон мод, брачная контора и игра. Автор, основываясь на мемуарной литературе и других источниках, детально исследует специфику бала, его внутренний конфликт и внешнюю гармонию — «борение порядка и хаоса» [37, с. 2].

Перекликаются с этой темой новейшие исследования по истории костюма и моды. Так, в работе Р. М. Кирсановой обосновывается вывод о том, что костюм может стать средством психологической характеристики человека, выдает его социальное положение, способствует формированию имиджа в глазах современников. Костюм и мода — это исторические категории: к такому выводу пришли историки Е. Н. Суслина и Н. Будур [38]. Значительный вклад в историографию моды внес А. А. Васильев. В предисловии к своей книге «Русская мода. 150 лет в фотографиях» автор отмечает, что «мода теснейшим образом связана со всем, что происходит в социальной, экономической, культурной и даже политической жизни общества, все документальные материалы о моде, одежда и аксессуары, портреты и фотографии становятся важнейшими историческими свидетельствами» [39, с. 6]. Исследователь, используя уникальные документальные материалы, которые он ввел в научный оборот, издал также полномасштабные исследования по интерьеру российских дворцовых ансамблей и истории моды русского зарубежья [39].

В 1990-х — начале 2000-х гг. научная проблема «повседневная Россия» постепенно осваивается историками вузов, которые начали использовать новые знания в процессе преподавания исторических дисциплин. Историки МГУ им. М. В. Ломоносова даже подготовили учебное пособие «Российская повседневность: от истоков до середины XIX века», которое, по мнению авторов, «позволяет дополнить, расширить и углубить знания о реальной жизни людей в России» [40, с. 6]. Разделы 4—5 этого издания посвящены повседневной жизни российского общества XVIII — первой половины XIX в. и охватывают довольно широкий спектр вопросов практически всех слоев населения: от городских низов до светского общества империи. Нельзя не согласиться с рекомендацией

авторов использовать это издание как дополнение к уже имеющимся учебникам, что позволит расширить представление о мире русской жизни.

Перспективы изучения исторического прошлого России в ракурсе повседневности очевидны и многообещающи. Свидетельством этому является исследовательская активность историков, филологов, социологов, культурологов, этнологов. В силу своей «всемирной отзывчивости» повседневность признается сферой междисциплинарных исследований, но вместе с тем требует методологической точности в подходах к проблеме. Как заметил культуролог И. А. Манкевич, «в пространстве повседневности сходятся «линии жизни» всех сфер человеческого бытия., повседневность — это «наше все вперемежку с совсем не нашим». [41, с. 20].

ЛИТЕРАТУРА

1. См. подробнее: *Храмкова, Е. Л.* Культура России 1941—1945 гг. Отечественная историография рубежа XX—XXI вв. / Е. Л. Храмкова. Самара: СамВен, 2006. 268 с.
2. *Пьецух, В.* Роммат / В. Пьецух. М. : Вагриус, 1999.
3. *Ланин, Б. А.* Трансформация истории в современной литературе / Б. А. Ланин // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5. С. 175—180.
4. История России. Теоретические проблемы. Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А. С. Сенявский. М.: Наука, 2002. Вып. 1. 193 с.
5. См. подробнее: *Могильницкий, Б. М.* Академик РАН И. Д. Ковальченко как методолог истории. (К 80-летию со дня рождения) / Б. М. Могильницкий // *Отечественная история*. 2003. № 6. С. 128—138.
6. Цит. по: *Журавлев, С. В.* «Маленькие люди» и «Большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920—1930-х гг. / С. В. Журавлев. М. : Вагриус, 2000. 249 с.
7. *Пушкарева, Н. Л.* Зачем он нужен, этот «гендер»? Новые тенденции и новые подходы к анализу прошлого / Н. Л. Пушкарева // *Социальная история. Ежегодник*. 1998—1999. М. : РОССПЭН, 1999. С. 155—174; *Журавлев, С. В.* Иностранная колония московского Электрозавода в начале 1930-х гг.: опыт микроисследования / С. В. Журавлев // Там же. С. 366—410; *Репина, Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. М. : Изд. РГГУ, 1998; *Репина, Л. П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории / Л. П. Репина // *Социальная история. Ежегодник*. 1997. С. 11—52.
8. См. подробнее: *Историк в поиске. Микро- и макроподходы в изучении прошлого. Доклады и выступления*. М.: Изд. РГГУ, 1999; *Российская повседневность 1921 — 1941 гг.: Новые подходы*. СПб.: Изд. Европейского университета в СПб. 1995; *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. М.: Изд. МГУ, 1996; *История повседневности: сб. науч. работ. Серия: «Источник. История. Историк»*. СПб.: Изд. Европейского университета в СПб : Алетейя, 2003. Вып. 3.
9. *Кром, М. М.* Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) / М. М. Кром // *История повседневности. Сб. науч. работ*. СПб.: Изд. Европейского университета в СПб, 2003. 205 с.
10. *Людтке, А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людтке // *Социальная история: ежегодник*. 1998—1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 77—100; *Людтке, А.* История повседневности в Германии после 1989 г. / А. Людтке. М.: Казус, 1999.
11. *Пандель, Г.-Ю.* Повседневная история как новый жанр историографии / Г. Ю. Пандель // *Гісторыя штодзённасці і правы чалавека: матэрыялы міжнароднай канферэнцыі*. Мінск,

- 1—5 снеж. 1999 г. Минск: Изд. Белорусской комиссии по делам ЮНЕСКО, 2000. С. 78—87.
12. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 1135 с.
13. *Миронов, Б. Н.* Время — деньги или праздник? Трудовая этика российских крестьян / Б. Н. Миронов // Родина. 2000. № 10. С. 62—66; *Миронов, Б. Н.* Кому на Руси жилось хорошо // Родина. 2003. № 3. С. 12—16; *Миронов, Б. Н.* Вперед к крепостничеству. Цена и зарплата в Петербурге за три века / Родина. 2003. № 8. С. 15—18; *Миронов, Б. Н.* Униженные и оскорбленные // Родина. 2006. № 1. С. 14—17.
14. *Федосюк, Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта / Ю. А. Федосюк. М. : Флинта: Наука, 2007. 264 с.
15. *Беловинский, Л. В.* Российский историко-бытовой словарь / Л. В. Беловинский. М. : Студия «ТРИТЭ»: РИО «Российский архив». 1999; *Беловинский, Л. В.* Энциклопедический словарь российской жизни и истории XVIII — нач. XX в. М. : Олма-Пресс, 2003; *Беловинский, Л. В.* Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII — начало XX в. М. : Эксмо, 2007. 784 с.
16. Россия под надзором. Отчеты III Отделения. 1827—1869 / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М.: РОССПЭН, 2006. С. 6—22; *Рябцев, Ю. С.* Хрестоматия по истории русской культуры: художественная жизнь и быт. XVIII—XIX вв. / Ю. С. Рябцев. М. 1998. С. 484—499; *Засосов, Д. А.*, Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX—XX веков. Записки очевидцев / Д. А. Засосов,

- В. И. Пызин. М. : Молодая гвардия, 2003. 467 с.; *Лейкин, Н. А.* Мои воспоминания: Петербургское купечество в XIX в. / Н. А. Лейкин. СПб. 2003; П. А. Столыпин глазами современников / под общ. ред. П. А. Пожигайло / М. : РОССПЭН, 2008. 367 с.; *Болотов, А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Репринт 1738—1796: в 3 т. / А. Т. Болотов. М., 1993; *Дашкова, Е. Р.* Записки. Письма сестер Вильмонт из России / Е. Р. Дашкова. М.: Изд-во. МГУ, 1987. 493 с.; Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989; Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991; *Баронесса де Сталь.* Из записок / Русские мемуары. Избр. страницы 1800—1825 / Ж. Д. Сталь. М., 1989; *Кюстин, Адольф де.* Россия в 1839 / Адольф де Кюстин // Родина. 1998. № 11 — 12. С. 59—64; *Маккартни, Дж.* Русская знать / Дж. Маккартни // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. СПб., 2007. № 38 (5). С. 94—99; Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первая половина XIX в. М. : РОССПЭН, 2007.
17. См. подробнее: *Лотман, Ю. М.* Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. Таллинн : Александра. 1992. Т. 1. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII в. С. 248—268, 296—336; *Лотман, Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX в.) / Ю. М. Лотман. СПб. : Искусство, 1994. С. 123—136.
18. *Вайнштейн, О. Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни / О. Б. Вайнштейн. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 640 с. Истории русского дендизма посвящены также: *Демиденко, Ю.* Русский денди / Ю. Демиденко // Родина. 2000. № 8. С. 109—113; *Пыляев, М. И.* Замечательные чудачки и оригиналы / М. И. Пыляев. М. : Интербук, 1990. 256 с.
19. *Муравьева, О. С.* Как воспитывали русского дворянина / О. С. Муравьева. М. 1999; *Яковкина, Н. И.* Русское дворянство первой половины XIX в. Быт и традиции / Н. И. Яковкина. СПб., 2002; Дворянские гнезда России: история, культура, архитектура: очерки / под ред. М. В. Нащокиной. М., 2000; *Жукова, Л. А.* Социокультурные особенности российского дворянства (XVIII — нач. XX в.) / Л. А. Жукова // Преподавание истории в школе. 2007. № 9. С. 39—46.

20. *Лаврентьева, Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет / Е. В. Лаврентьева. М.: Молодая гвардия. 2005. 663 с.
21. *Охлябинин, С. Д.* Повседневная жизнь русской усадьбы XIX в. / С. Д. Охлябинин. М. : Молодая гвардия, 2006. 347 с.
22. *Андреев, И.* О бедном дворянстве замолвите слово ... / И. Андреев // Родина. 1997. № 9. С. 37—43; *Манькова, Л.* Кровавая барыня. Уголовное дело «бесчеловечной вдовы» Салтычихи / Л. Манькова // Родина. 2002. № 2. С. 44—55.
23. *Громыко, М.* Честь и достоинство / М. Громыко // Родина. 1995. № 1. С. 106—110; *Потапова, Н.* Гори, свечей огарочек ... / Н. Потапова // Родина. 2000. № 3. С. 119—121; *Шангина, И. И.* Русские девушки / И. И. Шангина. СПб. : Азбука — классика, 2007. 352 с.
24. *Шангина, И. И.* Русский традиционный быт: энциклопедический словарь / И. И. Шангина. СПб.: Азбука — классика, 2003; *Шангина, И. И.* Русский город: будни и праздники: энциклопедия. СПб. : Азбука — классика, 2003.
25. *Белова, В.* Повседневная жизнь русского рабочего / В. Белова. Минск, 2003; *Герасимов, В. Г.* Жизнь русского рабочего / В. Г. Герасимов. М., 1999; *Иллеш, Б.* Московский рабочий / Б. Иллеш. М., 2001; *Филимонов, А. П.* Рабочий класс. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем / А. П. Филимонов. М., 2004.
26. *Полилов, Г. Т.* Быт петербургского купечества. Петербургское купечество в XIX в. / Г. Т. Полилов. СПб.: Азбука — классика, 2003; *Гончаров, Ю. С.* С почтением и любовью ... Сибирская купеческая семья / Ю. С. Гончаров // Родина. 1998. № 9. С. 42—45; *Мушкина, Е.* Девиц в семье было пятеро / Е. Мушкина // Родина. 2005. № 9. С. 87—90.
27. *Кошман, Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты / Л. В. Кошман. М. : РОССПЭН, 2008. 448 с.
28. *Гончаров, Ю. М.* Городская семья Сибири второй половины XIX — нач. XX в. / Ю. М. Гончаров. Барнаул : Изд. Алтайского гос. университета, 2002. 346 с.
29. *Марыняк, А.* Погибнуть или победить. Быт и традиции Российской Императорской Гвардии / А. Марыняк // Родина. 2000. № 11. С. 107—113; *Чиненых, С.* По погоням и оклад. Мог ли русский офицер прожить на одну зарплату? / С. Чиненых // Родина. 2002. № 2. С. 52—55.
30. *Иванов, А. Е.* Студенчество России конца XIX — нач. XX в. / А. Е. Иванов. М., 1999; *Каблуков, Н. А.* Студенческий квартирный вопрос в Москве / Н. А. Каблуков. М., 1994; *Казакова, К. С.*

Русский студент дореформенной эпохи: нормы и повседневная жизнь корпорации / К. С. Казакова // Отечественная история. 2007. № 6. С. 63—75.

31. *Баловнев, Д.* Погост, уезд и переезд. Приходская жизнь в русской ранней церкви / Д. Баловнев // Родина. 2002. № 11, 12. С. 127—132; *Леонтьева, Т.* Матушка: о попадьях, поповнах и «тонких материях» семейного бытия / Т. Леонтьева // Родина. 2001. № 10. С. 48—52.

32. *Овсянников, Ю.* Петр Великий. Первый русский император / Ю. Овсянников. М., 2007.

33. *Михневич, В. О.* Русские женщины XVIII столетия / В. О. Михневич. М. : Кучково поле, 2007. О женских судьбах также см.: *Мухина, О. Н.* Женщины царской семьи в эпоху петровских реформ / О. Н. Мухина // Мир Клио. М., 2007. Т. 2. С. 396-412.

34. *Никитина, Н. А.* Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне / Н. А. Никитина. М. : Молодая гвардия, 2007; Романовы. Исторические портреты: в 2 т. / под общ. ред. А. Н. Сахарова. М. : Армада, 1998. 1236 с.

35. *Раскин, Д.* Яблочко от яблони. Типовые сценарии российской карьеры / Д. Раскин // Родина. 2004. № 1. С. 19—26; *Горяинов, С.* Проза жизни русского либерала / С. Горяинов // Родина. 1998. № 3. С. 67—70; *Андреев, И.* Всяк подьячий любит калач... / И. Андреев // Родина. 1999. № 1. С. 11 — 15.

36. *Шепелев, Л. Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи / Л. Е. Шепелев. М.: ЗАО Центрполитграф, 2005. 423 с.
37. *Колесникова, А. В.* Бал в России: XVIII — начало XX в. / А. В. Колесникова. СПб.: Азбука — классика, 2005. 304 с.
38. *Кирсанова, Р. М.* Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой пол. XX в. Опыт энциклопедии / Р. М. Кирсанова. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 383 с.; *Суслина, Е. Н.* Повседневная жизнь русских щеголей и модниц / Е. Н. Суслина. М.: Молодая гвардия, 2003. 381 с.; *Будур, Н.* История костюма / Н. Будур. М.: Олма-пресс, 2002. 480 с.
39. *Васильев, А. А.* Русская мода. 150 лет в фотографиях / А. А. Васильев. М.: Слово, 2004. 448 с.; *Васильев, А. А.* Русский интерьер в старинных фотографиях / А. А. Васильев. М.: Слово, 2008. 412 с.; *Васильев, А. А.* Красота в изгнании. Творчество русских эмигрантов первой волны: искусство и мода. 6-е изд. М.: Слово, 2006. 479 с.
40. Российская повседневность. От истоков до середины XIX века: учеб. пособие / под ред. Л. И. Семенниковой. 2-е изд. М.: КДУ, 2002. 247 с.
41. *Манкевич, И. А.* Поэтика повседневности в пространстве литературных коммуникаций: опыт культурологической интерпретации / И. А. Манкевич // Обсерватория культуры. 2007. № 4. С. 20—27.

SUMMARY

The article is devoted to the main problems of historical science current state. The author grounds the necessity of development of such perspective scientific directions as social history, micro history and everyday history. In contemporary Russian historiography (1990 — the beginning of 2000) there is an obvious tendency of brand new understanding of imperial period in Russian history (XVIII — the beginning of XX cent.). New approaches of scientific analysis are forming. They are housing peculiarities of town and rural life, marriage and family, history of leisure, fashion history, etc. Now the Russian routine life is within the scope of interdisciplinary research but still requires further scientific-methodological analysis.